

Наоми Н Война Богов

18+

Наоми Нагаи

Война Богов

«Автор»

2026

Нагаи Н.

Война Богов / Н. Нагаи — «Автор», 2026

В сердце сюжета — столкновение созидания и разрушения. Боги Стихий, почти лишившиеся сил после разрушительной войны, вместе с новыми, «малыми» божествами отчаянно пытаются вернуть миру равновесие и залечить нанесённые раны. Тем временем Хаос действует расчётливо и неумолимо: он не обрушивает мир одним ударом, а разъедает тонкие нити, связывающие силы между собой, и постепенно подтачивает мощь богов. Ключевым сюжетным переломом становится союз Матери и Тени. Вместо того чтобы сражаться с Тенью как с врагом, Мать словно переиначивает её изнутри: она наполняет изначальную пустоту теплом и опорой, превращая Тень из безмолвного отсутствия света в пространство заботы и надёжного пристанища.

© Нагаи Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Наоми Нагаи

Война Богов

Глава

Глава 1. Начало всего.

Не было ни неба, ни земли, ни ветра, ни огня. Был лишь первозданный Хаос — бесконечный, немой, слепой. Он клубился сам в себе, как дымящийся туман над океаном, которого ещё не существовало. В нём не было ни верха, ни низа, ни начала, ни конца. Он был всем — и оттого не был ничем.

Хаос дышал. Не так, как дышат живые — расширяясь и сжимаясь, выдыхая и вдыхая, а иначе он пульсировал. Каждый его пульс рождал волну, и каждая волна уносила в никуда частицу его бесконечности. Хаос тратил себя — медленно, незаметно, неотвратно.

Первой это поняла Богиня Тишины.

Она не родилась — она *проявилась*. Выкристаллизовалась из тишины, которая возникла между двумя ударами пульса Хаоса. В ту крохотную паузу, когда одно дыхание закончилось, а другое ещё не началось, в этот зазор, в эту трещину между мгновениями просочилась Богиня Тишины. Она была тишиной, ставшей осознанной. Не звуком, не словом, не голосом — а тем, что остаётся, когда всё остальное замолкает.

Богиня Тишины открыла глаза — и не увидела ничего. Она прислушалась — и не услышала ничего. Она была всем, что осталось, когда Хаос выдохнул и не успел вдохнуть. Она была паузой.

Богиня сделала то, что умеет только тишина — она *продолжилась*. Не зашумела, не зазвучала, не нарушила покой. Она просто оставалась, когда всё вокруг менялось. Она расширилась, наполнила собой пустоту между ударами пульса и стала первой постоянной величиной в мире, где постоянно было только непостоянство.

Хаос почувствовал её — и впервые в своей бесконечной жизни ощутил что-то, кроме себя. Это был не страх, не любопытство, не гнев. Это было *неудобство*. Тишина Богини мешала ему пульсировать свободно. Она стояла в его дыхании, как камень в горле, и Хаос не мог её ни проглотить, ни выплюнуть.

Он боролся с ней — и каждое его усилие порождало новую стихию.

Первый удар Хаоса, направленный на то, чтобы смыть тишину, создал воду. Из столкновения слепой силы Хаоса и неподвижной тишины Богиня Тишины родилась Богиня Воды. Она хлынула из ниоткуда, как первый дождь в мире, где ещё не было земли, чтобы его принять. Богиня воды была текучей, подвижной, своенравной. Она не хотела стоять на месте — она хотела течь. И она потекла во все стороны сразу, заполняя пустоты, которых не замечал Хаос и которые охраняла Тишина.

Второй удар Хаоса был яростнее. Он не хотел компромисса — он хотел свободы. Он рванулся так сильно, что вспыхнул. Из его гнева, из его ярости, из его желания сжечь всё, что стоит на пути, родилась Богиня Огня. Она была неистова, жадна, ненасытна. Она пожирала всё, к чему прикасалась, и просила ещё. Она была светом в мире, который до этого знал только тьму и тишину, и от этого света Хаос отшатнулся. Впервые он испугался собственного творения.

Богиня Огня не подчинялась Хаосу. Она подчинялась только голоду — тому, что горело внутри неё самой. Она жгла Хаос, жгла тишину, жгла воду — и от этого мира становилось всё меньше, а не больше. Огонь не созидал. Он пожирал.

Вода и Огонь столкнулись — и это было первое противостояние в истории мироздания. Вода и огонь, текучесть и ярость, терпение и нетерпение. Пар поднялся там, где они боролись,

и Хаос впервые увидел, что его творения могут бороться не только с ним, но и друг с другом. Это было новое. Это было опасно.

Третий удар Хаоса был тяжёлым, медленным, неукротимым. Он ударил вниз — туда, куда ещё никогда не ударял. Из этого удара родился Бог Земли. Он был твёрдым, неподвижным, упрямым. Он не двигался — он стоял. Он не тек — он держал. Он не горел — он остывал. Дорн был первым, кто сказал: «Здесь я, и отсюда меня не сдвинуть». Он стал основой. Земля под ногами — хотя ног ещё не было. Опорой — хотя стоять было ещё некому.

Бог земли принял воду на свою спину, и вода впервые нашла русло. Он подставил бока огню, и огонь впервые нашёл, что не может сжечь всё — что-то останется, что-то устоит. Он встал рядом с тишиной, и они не мешали друг другу — тишина и земля были похожи. Обе молчали. Обе держались.

Хаос выдохнул в четвёртый раз — и это было его последнее осмысленное движение. Из этого выдоха родился Бог Ветра. Он был лёгким, быстрым, неуловимым. Он не стоял, как Бог земли. Не тек, как Богиня Воды. Не горел, как Богиня Огня. Не молчал, как Богиня тиши. Он *двигался*. Бог Ветра был движением, лишённым цели. Направлением, лишённым конца. Он обдувал землю, раздувал огонь, рябил воду, нарушал тишину. Он был единственным, кто трогал всех, — и единственным, кого никто не мог удержать.

Пятеро стихийных Богов стояли в пустоте, где раньше был Хаос. Хаос не исчез — он истончился. Он стал фоном, основой, невидимым полотном, на котором стихии рисовали мир. Но полотно было не бесконечным. Оно сжималось. Оно старело. И пятеро Богов знали — или, вернее, чувствовали, что однажды оно закончится.

Они не разговаривали. Не потому, что не умели, — а потому, что им было нечего сказать друг другу. Каждый из них был своей стихией, и стихии не нуждаются в словах. Вода течёт. Огонь горит. Земля держит. Ветер дует. Тишина молчит. Им не нужно было договариваться. Им нужно было существовать — и они существовали.

Но существовать рядом — не значит жить вместе.

Они не воевали — не тогда, не в начале. Но они мешали друг другу. Каждый делал то, что было его природой, — и каждое действие вредило чьей-то чужой природе. Мир, который они создавали не вместе, а рядом, был миром постоянных трений. Не разрушенных, но и не цельных. Не мёртвых, но и не живых.

И в этот мир — в эту паутину натянутых струн — пришли двое.

Бог Замысла (Бог Придумай Сам). Богом Идей. Богом того, что существует до того, как станет существовать. Он не управлял ни одной стихией. Он не владел ни одной силой. Он был тем, кто говорит: «А что, если попробовать иначе?» — и это «иначе» появляется. Богиня чего-то была его сестрой. Не потому, что они родились от одних родителей, — у Хаоса нет детей. А потому, что они были двумя сторонами одной монеты. Если Бог Замысла был Замыслом — идеей, которая ведёт к изменению, — то Богиня была Равновесием — силой, которая не даёт изменению стать разрушением. Бог придумывал. Богиня взвешивала. Он предлагал. Она проверяла.

Они не обладали мощью стихийных Богов — их сила была в другом: в том, чтобы помогать выстраивать порядок в природе, связывать разрозненные силы и находить баланс там, где царил разлад.

Глава 2. Артефакт и раскол.

В самом начале, когда Хаос выдохнул последнюю частицу себя, он оставил не только Богов. Он оставил вещь.

Материальный объект в мире, который до этого был нематериальным. Вещь, которую можно было потрогать. Вещь, которая имела вес, форму, температуру. Вещь, которая существовала не потому, что кто-то её создал, а потому, что Хаос, умирая, не смог выдохнуть всё.

Какой-то последний кусочек его сущности застыл, отвердел, обрёл форму — и упал в мир, как последний вздох умирающего гиганта.

Эту вещь называли Сердцем Хаоса. Хотя это было не сердце — это было всё. Всё, что Хаос не успел отдать, всё, что осталось от его бесконечности, всё, что он не смог превратить в стихии, в Богов, в мир. Сжатое, кристаллизованное, застывшее — но не мёртвое. Живое. Пульсирующее. Тёплое.

Сердце Хаоса было размером с кулак первого человека — хотя людей тогда ещё не было. Оно было тёплым, но не горячим. Твёрдым, но не жёстким. Тяжёлым, но не неподъёмным. Оно было всем сразу — и потому не было ничем определённым. Оно было потенциалом, замкнутым в материю. Замыслом, застывшим в камне.

Бог Замысла и Богиня Равновесия нашли его первыми. Бог Замысла прикоснулся — и понял: Сердце — это ключ. Пока оно пульсирует, мир держится. Сердце — корень, из которого выросли все стихии, и пока корень жив, ветви не могут отпасть.

Богиня Равновесия прикоснулась следом — и поняла другое: Сердце уязвимо. Его можно разбить. И если его разбить — связь между стихиями порвётся.

— Его нужно защитить, — сказала она.

— Его нужно разделить, — ответил он.

— Почему?

— Целое Сердце — одна точка уязвимости. Разделённое — пять точек силы. Каждый Бог хранит свою часть. Если один захочет разрушить — ему нужно собрать все пять. Это даёт нам время.

Они разделили Сердце. Не мечом, не огнём — разговором. С каждым Богом — на его языке. С Богом Земли — на языке тяжести. С Богиней Воды — на языке течения. С Богиней Огня — на языке жара. С Богом Ветра — на языке движения. С Богиней Тишины — на языке молчания.

Пять частей. Пять хранителей. Пять точек равновесия. Мир держался крепче, чем когда-либо.

И так продолжалось четыре поколения.

Каждое поколение стихийных Богов передавало свою часть Сердца следующему — вместе с силой, вместе со стихией. Старый Бог клал осколок в руки нового и передавал — не словами, а силой — всё, что знал о связи. О том, что эта часть — не сила, а ответственность. О том, что пять осколков — это одно Сердце.

Пятое поколение приняло осколки — но не приняло суть. Они взяли их, почувствовали силу — и решили, что это оружие. Не ответственность. Не связь. Оружие.

Сила стихий накапливалась от поколения к поколению, как вода в водохранилище. Но со силой накапливалась и гордость. Первые поколения помнили Хаос, помнили, как мир чуть не распался. Пятые не помнили ничего. Для них мир был как мебель в доме: он просто есть. И если что-то не нравится, можно переставить. Или сломать. Или сжечь.

Они были не просто сильнее предшественников — они были жесточе. Сила, которую они унаследовали, была такой плотности, что пропитала их до костей. Они не просто олицетворяли стихии — они присвоили их. Моя вода. Мой огонь. Моя земля. Мой ветер. Моя тишина. Не дар. Не обязанность. Собственность.

Бог Замысла пришёл к Богу Земли с предложением. Бог Ветра жаловался, что горы слишком высоки. Бог Замысла предложил сделать проходы. Бог Земли посмотрел на него и взгляд был не тяжёлым, как у первого Бога Земли. Он был презрительным. Как смотрят на насекомое, которое ползает у ног и полагает, что его голос имеет вес.

— Ты не Бог, — сказал Бог Земли. — Ты — советчик. А я не нуждаюсь в советах того, кто не имеет силы. Мои горы стоят, где я хочу. И будут стоять, пока я хочу. А ветер — пусть обходит.

Богиня Равновесия пришла к Богине Огня с предупреждением. Богиня Огня жгла так ярко, что её пожары вышли за пределы гор и уничтожали леса, которые Бог Земли растил столетиями.

— Если ты не умеришь жар, — сказала Богиня Равновесия, — Бог Земли поднимет стены. Бог Ветра перестанет дуть в твою сторону. Твои огни погаснут.

Богиня Огня рассмеялась. Смех был как треск пламени.

— Пусть попробуют, — сказала она. — Я сожгу стены. Я обопрусь на ветер он не посмеет отказать. Мои огни никогда не гаснут. А ты, Богиня Равновесия, — ты никто. У тебя нет стихии. У тебя нет силы. Ты только взвешиваешь, а весы ломаются под тяжестью настоящего огня.

Богиня Воды была холоднее предшественниц. Её океан был глубже, темнее, опаснее. Она не текла — она затапливала. Когда Бог Замысла предложил ослабить напор, чтобы не подмывать земли Бога Земли, она ответила:

— Вода не спрашивает разрешения. Вода течёт. Если земля не может держать — это проблема земли. А если тебе, Бог Замысла, не нравится, как я теку, — придумай, как остановить меня. Если хватит фантазии. Которой, как я вижу, у тебя ровно столько, чтобы лезть с советами к тем, кто сильнее.

Бог Ветра был самым нетерпеливым. Его штормы не дули — они рвались. Он не просто разрушал — он наслаждался разрушением. Когда Богиня Равновесия предложила ему выбирать направление, чтобы не вредить другим, он ответил:

— Ветер не выбирает. Ветер есть. А если кому-то не нравится, куда я дую, — пусть строят стены. Хотя нет — Бог Земли уже строит. И я уже съёл первую. Ха-ха. Ты, Богиня Равновесия, всё взвешиваешь. А знаешь, что весы делают, когда на них кладёт ветер? Летят. Вместе с весами. Вместе с тобой.

Богиня Тишины была, пожалуй, самой страшной. Предыдущие Богини Тишины молчали, но в их молчании было присутствие, было внимание, было «я здесь». Пятая молчала иначе. Её молчание было пустым. Не полным потенциала, а лишённым его. Она не молчала, чтобы слушать. Она молчала, потому что ей было всё равно. Ей было нечего сказать — и она не считала нужным что-либо говорить. Мир мог гореть, тонуть, трескаться, разрушаться — она молчала. И в этом молчании было больше презрения, чем в любой насмешке, в любом оскорблении, в любом ударе. Она не презирала — она не замечала.

Бог Замысла сел рядом с ней, как садился с каждой Богиней Тишины до неё. Молчал. Ждал. Слушал. Но тишина не отзывалась. Она не наполнялась. Она поглощала. Он чувствовал, как его собственные мысли растворяются в её молчании, как соль в воде. Он встал — раньше, чем обычно. И впервые ушёл, ничего не получив.

Богиня Равновесия ждала его на тропе между Пустошами и Океаном.

— Не получилось? — спросила она.

— Не получилось.

Они помолчали. Потом Богиня Равновесия сказала:

— Они нас не слышат. Не слышат — и не хотят слышать. Мы для них — пустое место. Лишние. Приложение к миру, которое никто не открывает.

— Мы не лишние, — возразил Бог Замысла. — Без нас мир развалится.

— Мир не развалится. Мир горит. Не от огня Богини Огня — от чего-то другого. От чего-то, что мы не видим. Они стали не просто сильнее. Они стали... другими. Сила их отравила. Они больше не стихии — они хозяева стихий. А хозяин не служит. Хозяин владеет.

Она была права. Что-то менялось — не в стихиях, в сердцах Богов. Они становились не просто отдалённые — они становились жесточе. Сила без связи — это не вселенная сила. Это вселенная жестокость. Стихия, которая помнит, что она часть целого, — терпима. Стихия, которая считает себя единственной, — безжалостна. И пятое поколение было безжалостно. Не

потому, что хотело зла — потому что не знало, что такое зло. Для них зло было — когда что-то мешает. Когда кто-то стоит на пути. Когда кто-то — слабее.

Бог Замысла и Богиня Равновесия были для них — слабее. Не имели стихии. Не имели силы. Не имели тамплиеров. Не имели власти. И в мире, где сила была единственным мерилom, они были — ничто.

Тамплиеры.

Тамплиеры стихий были новым. Такого не было ни в одном поколении. Не Боги — слуги. Вернее, они называли себя слугами. На деле — фанатики, опьянённые силой, которую им дали Боги.

Первые появились в землях *Бога Земли*. Люди, которые нашли в горах святилища и начали поклоняться. Не всем Богам — одному. Богу Земли. Они назвали себя Земными Стражами и верили, что земля — основа всего, а всё остальное — вода, огонь, ветер, тишина — вторично. Что Бог Земли — старший, первый среди равных, и его стихия должна доминировать. Не сосуществовать — доминировать. Подчинить. Поставить на колени.

Бог Земли не просил их об этом. Но и не отказался. Он принял — и не просто принял. Он возвеличил их. Дал им силу, которую Боги Земли никогда не давали людям. Сила шла из осколка Сердца Хаоса — Бог Земли не жалел. Он хотел, чтобы его Стражи были не просто фанатиками с мечами — он хотел, чтобы они были орудием. Инструментом подчинения.

Земные Стражи построили крепости в горах — большие, тяжёлые, неприступные. Они перегородили перевалы — пути, которыми Бог Ветра гонял ветра с севера на юг. Ветра ослабли. Богиня Огня на юге почувствовала, что её огни горят ровнее, но тише. Ей не нравилось тише. Ей нравилось ярче.

Вслед появились *Водные Тамплиеры* — на побережье Бесконечного Океана. Они построили дамбы, каналы, шлюзы. Перенаправили реки, которые текли от гор Бога Земли в океан Богини Воды. Реки стали глубже, но уже. Земля вокруг высохла. Бог Земли почувствовал, что его почва трескается. Он воспринял это не как проблему — как оскорбление. Как посягательство на его землю.

Огненные Тамплиеры возникли в раскалённых горах. Они были страшнее всех — потому что огонь не строит, огонь преобразует. Они не возводили крепости — они выжигали территории. Всё, что было между вулканами Богини Огня и лесами Бога Земли, они превратили в пепельные пустоши. Они жгли — и на пепелищах строили алтари. Алтари Богине Огня. Алтари, на которых горело всё, что она считала своим. А она считала своим — всё.

Ветренные Тамплиеры были пиратами воздуха. Они не строили — они летали. На воздушных потоках, на штормовых ветрах, на ураганах, которые Бог Ветра обрушивал на земли, не подчинённые его стихии. Они срывали крыши с храмов Бога Земли, топили корабли Богини Воды, раздували пожары Богини Огня за пределы гор. Они были самыми разрушительными — потому что ветер не признаёт границ. И потому что Бог Ветра-пятый наслаждался этим. Он не просто благословлял — он требовал. Требовал, чтобы его пираты приносили ему разрушения, как дань. И они приносили.

Тамплиеры Тишины были самыми странными — и самыми пугающими. Они не строили, не жгли, не летали, не перенаправляли. Они молчали. Но их молчание было не как молчание Богини Тишины — не полное, не глубокое, не живое. Их молчание было насильственным. Они приходили в чужие земли и заставляли молчать. Гасили звуки, останавливали ветра, затыкали реки, приглушали огни. Они были цензурой стихий — и они были пугающе эффективны. Целые деревни замолкали, когда они приходили. Люди открывали рты — и из них не выходило ни звука. Дети плакали — и их плач растворялся в тишине, как соль в воде. Собаки лаяли — и лай исчезал, не родившись. Это была тирания молчания — худшая из тираний, потому что с ней нельзя было спорить. Нельзя было кричать. Нельзя было даже шептать.

Каждая группа тамплиеров считала свою стихию главной. Каждая хотела доминирования — не сосуществования, не равновесия, не компромисса. Доминирования. И каждая обращалась к своему Богу — не за советом, а за благословением. За разрешением. За силой.

И Боги пятого поколения ответили. Не все сразу. Не одинаково. Но все — ответили. И ответ был не просто согласием — он был пробуждением. Боги пробудились — не к связи, не к ответственности, а к власти. Они увидели в тамплиерах не слуг, а оружие. Оружие против других стихий. И они начали это оружие готовить.

Бог Земли благословил Земных Стражей — и дал им силу, от которой горы слушались их слов. Не метафорически — буквально. Страж говорил «встань» — и камень вставал. Страж говорил «падай» — и скала обрушивалась на чужую землю. Это была не защита. Это было наступление.

Бог Ветра благословил Воздушных Пиратов — и дал им бурю, которая не стихала. Они носили её с собой, как знамя. Где бы они ни появлялись — начинался ураган. Не природный — направленный. Направленный на то, что не подчинялось ветру.

Богиня Воды благословила Водных Тамплиеров — и дала им цунами. Волны, которые шли по её — не по природе, а по приказу. Она направляла их на берега, которые не принадлежали ей. Не чтобы течь — чтобы затопить. Чтобы показать, чья вода глубже.

Богиня Огня благословила Огненных Фанатиков — и дала им вечное пламя. Огонь, который не гас. Который жжёт и жжёт, и жжёт — пока не выжжет всё. Она не думала о том, что будет, когда выжечь будет нечего. Она думала: ещё.

Богиня Тишины не благословила никого. Но и не запретила. Её молчание было согласием — молчаливым, пустым, равнодушным. Она не дала своим Тамплиерам силы — она дала им тишину. Тишину, которая убивает звук. Тишину, которая убивает волю. Потому что когда ты не можешь кричать — ты не можешь сопротивляться. Когда ты не можешь говорить — ты не можешь быть. Тамплиеры Тишины несли эту тишину, как чуму. И там, где они проходили, оставались деревни, в которых люди были живы — но молчали. Не потому, что не хотели говорить. Потому что не могли.

Бог Замысла и Богиня Равновесия увидели это — и поняли, что мир стоит на краю. Не на краю войны — на краю уничтожения. Потому что это была не война стихий. Это была война хозяев стихий. А хозяин не щадит. Хозяин владеет — и то, чем владеет, он может уничтожить.

Глава 3. Война

У костров тамплиеры Огня всё чаще перешёптывались, будто сами себя убеждая: «Вода душит нас. Она жаждет стереть нас с лица земли». С каждым повторением эти слова обрастали уверенностью, превращаясь в истину, которую уже не ставили под сомнение. Они принялись перекрывать русла не ради разрушения, как им казалось, а чтобы дать огню возможность дышать. Когда реки начали мелеть, тамплиеры восприняли это не как беду, а как триумф: будто сама стихия признала их правоту. Огонь сушил Воду. Капля за каплей, жар за жаром. Пламя вытягивало влагу из воздуха, и туманы становились тоньше, а реки — уже.

Тамплиеры Воды, глядя на обнажившиеся берега и иссохшие отмели, шептали: «Огонь вытягивает из мира всю жизнь. Он хочет иссушить всё до последней капли». В попытке обуздать жар они поднимали холодные волны, гасили языки пламени, остужала землю до инея. Но чем холоднее становилась Вода, тем яростнее горел Огонь и тем суше становился воздух, возводили стены из льда — холодные, сверкающие, неприступные. А когда под тяжестью этих ледяных громад земля пошла трещинами, тамплиеры сочли это не катастрофой, а справедливым возмездием: пусть мир почувствует тяжесть их боли.

Тамплиеры Ветра презирали горы, видя в них лишь оковы: «Земля сковывает нас, не даёт парить». Они обрушивали на хребты яростные шквалы, срывая вершины, будто сдёргивая шапки с голов упрямых стариков. Камни летели вниз, засыпая долины серым прахом, и

тамплиеры воспринимали это как торжество свободы — как будто, разрушив преграды, они наконец-то смогли расправить крылья.

А тамплиеры Земли хранили молчание, но это молчание было не мирным, а тяжёлым, давящим, словно сами валуны обрели голос в этой тишине. Они возводили стены выше, массивнее, глуше. Эти стены не пропускали ни порывов ветра, ни струй воды, ни даже отголосков пламени. В этой глухой, непроницаемой тишине они находили утешение: если мир снаружи бушует, значит, внутри, за стенами, они в безопасности, а значит, их путь верен.

Ветер рушил горы Бога Земли. В постоянных, упрямых порывах, что стачивали скалы, как наждак. Камни крошились, склоны осыпались, долины засыпало щебнем. Земля отвечала: поднимала новые хребты, тянула корни глубже, сжимала почву так, что трещины расползались по равнинам. Но чем твёрже становилась Земля, тем злее дул Ветер и тем больше камней он срывал с вершин.

Огонь дошёл до Ветра и Земли. Его языки перепрыгивали через реки, находили сухие травы у подножия гор, цеплялись за обломки, оставленные ветром. Пламя ползло вперёд, не выбирая, кого жечь. Оно сжигало и то, что принадлежало Воде, и то, что хранила Земля, и даже те редкие рощи, что Ветер не успел выкорчевать.

Богиня Тишины и её тамплиеры стояли в стороне — от них шёл холод. Холод, что рождается из безразличия. Они не вступали в бой, не защищали, не нападали. Они просто смотрели холодным, пустым взглядом, будто происходящее их не касалось. Их молчание было не защитой, а отречением. «Это не наша война», — говорили они. И от этого становилось только хуже: мир, лишившийся даже тишины как пристанища, становился всё более шумным и всё более пустым.

Год эта вражда жила и росла. Год стихии спорили, а люди страдали. Год мир становился тоньше, суше, холоднее, злее.

Вражда расползлась, как трещина по льду: из храмов она пробиралась на улицы, а оттуда в дома, в семьи, в сердца. Люди, которые ещё недавно вместе распахивали поля и ломали хлеб на двоих, теперь вглядывались друг в друга с подозрением. Тамплиер Воды, увидев соседа со знаком Огня, больше не вспоминал, как они мальчишками бегали по лугам, теперь он видел лишь угрозу, тень грядущей беды. А тамплиер Огня, глядя на того, кто чтит Землю, не вспоминал совместных охот и общих шуток, перед ним стоял тот, кто душил его стихию, кто хочет заставить пламя угаснуть.

И вскоре ненависть перестала быть только к символам, она стала личной. «Он из их ордена», — говорили теперь, и этого хватало, чтобы не подать руку, отвернуться, ударить. Знакомые стали чужими, друзья — врагами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.